

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОСТОЯНИЯ НАУКИ В РОССИИ

ABOUT SOME FEATURES OF THE STATE OF SCIENCE IN RUSSIA

*Е. П. Тавокин **

*Evgeny P. Tavokin **

* *Российский технологический университет
(МИРЭА)
Москва, Россия*

* *Russian Technological University
(MIREA)
Moscow, Russia*

Цель исследования – выявить специфику и раскрыть смысл состояния и динамики важнейших показателей науки в РФ в целом и социально-гуманитарных наук, в частности.

Objective of the study is to identify the specifics and reveal the meaning of the state and dynamics of the most important indicators of science in the Russian Federation in general and the social sciences and humanities in particular.

Методологическая база исследования – анализ статистических данных, характеризующих состояние и динамику науки в РФ в целом и социально-гуманитарных наук в частности, а также анализ содержания некоторых социально-гуманитарных публикаций.

The methodological basis of the research is the analysis of statistical data characterizing the state and dynamics of science in the Russian Federation in general and the socio-humanities, in particular, as well as the analysis of the content of some socio-humanitarian publications.

Результаты исследования. Выявлен диссонанс, который заключается в том, что на фоне общего упадка науки численность представителей социально-гуманитарных отраслей имеет тенденцию к росту как в абсолютном, так и (в особенности) относительном выражении. Установлено общее снижение качества научных исследований в этих направлениях науки. В них преобладают псевдонаучные или лженаучные публикации, имитирующие науку. Рассмотрено четыре их типа.

Research results. The dissonance is revealed, which consists in the fact that against the background of the general decline of science, the number of representatives of the socio-humanitarian branches tends to increase both in absolute and (especially) relative terms. A general decline in the quality of scientific research in these areas of science has been established. They are dominated by pseudoscientific or pseudoscientific publications that imitate science. Four types of them are considered.

Перспективы исследования. Целесообразно установить связь полученных результатов с социально-экономической, образовательной, культурной политикой государства, духовной сферой в целом.

Prospects of the study. It is advisable to establish the connection of the results obtained with the socio-economic, educational, cultural policy of the state, the spiritual sphere as a whole.

Ключевые слова: наука, социально-гуманитарные науки, искусственный интеллект, лженаука, организация науки.

Keywords: science, social sciences and humanities, artificial intelligence, pseudoscience, organization of science.

Введение

С приходом «демократии» все важнейшие жизнеобеспечивающие сферы России подверглись жесткому «реформированию». Не избежала этого и наука. Печальные результаты этих преобразований в сфере науки общеизвестны. Напомним кратко наиболее «эффектные» из них.

Из всех более или менее развитых стран Россия стала единственной, в которой вот уже более тридцати лет неуклонно сокращаются количество научно-исследовательских учреждений и, соответственно, количество самих исследователей. Это подтверждают данные статистики (рис. 1).

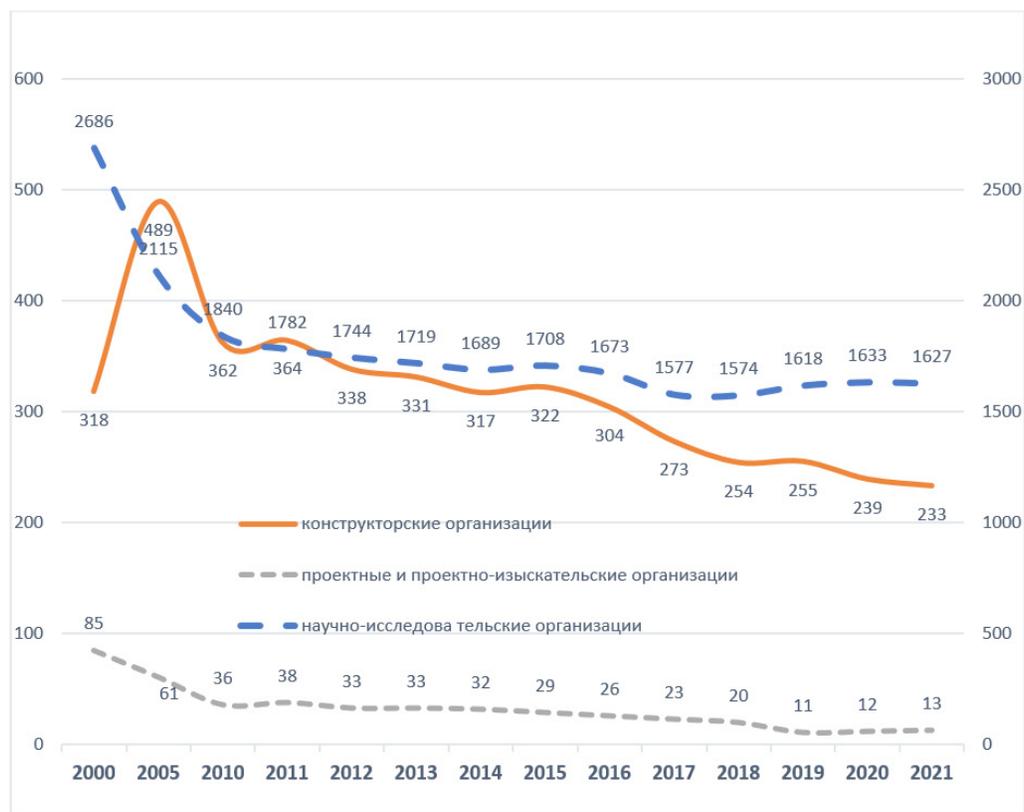

Рис. 1. Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки.

Источник: Росстат. (<https://rosstat.gov.ru>)

Как видно, число научно-исследовательских организаций за указанный период сократилось на 40 %, конструкторских организаций – на 27 %, а проектных и проектно-исследовательских организаций – на 85 % (они практически исчезли). С 1991 года страна потеряла 66 % исследователей: на начало 2022 года из 990 000 исследователей осталось 340 000.

Не находя практического применения своим знаниям и умениям, не видя никаких перспектив их реализации в будущем, российские ученые вынуждены ежегодно покидать родину. Количество покинувших страну деятелей науки неотвратимо растет. Динамика общего миграционного оттока граждан из Российской Федерации представлена в рисунке 2.

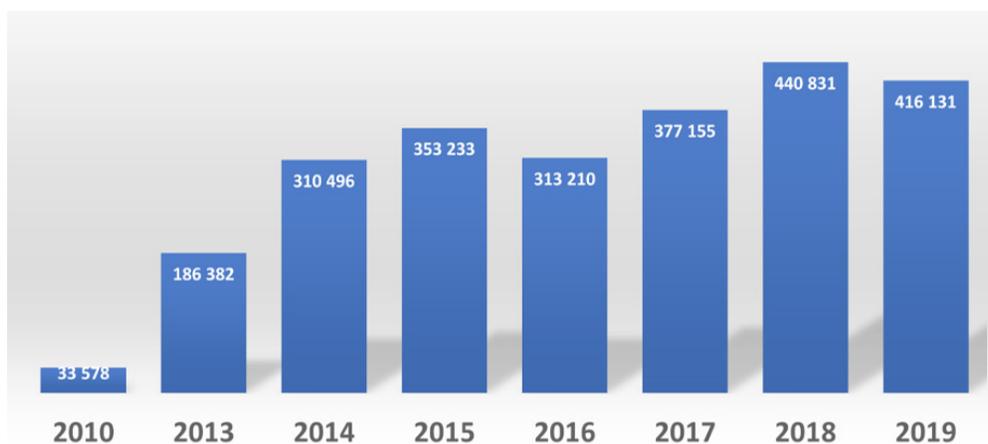

Рис. 2. Численность граждан, выбывших из РФ (чел.).
Источник: Росстат. (<https://rosstat.gov.ru>)

Если учесть, что в общем потоке эмигрантов доля людей интеллектуального труда составляет 15–20 %, то можно утверждать, что ежегодная «утечка мозгов» за указанный период возросла (по минимуму) с 5 до 62 тыс. чел. Расчеты показывают, что «реальные потери “утечки умов” в страны дальнего зарубежья за период 2002–2015 гг. могут составлять от 1,9 до 2,5 млн чел. с высшим образованием, в том числе порядка 7,2–9,6 тыс. докторов и кандидатов наук» (Пипия, Чистякова, 2020. С. 23). Одно из многочисленных негативных следствий этого процесса заключается, в частности, в том, что ухудшился качественный состав руководителей научных организаций. Члены РАН сегодня возглавляют лишь 37 % из них (в 2014 году – 56 %), почти каждой четвертой (22,5 %) руководит кандидат наук¹.

¹ Доклад Главного Ученого секретаря Президиума РАН академика РАН Н. К. Долгушкина «О работе Президиума РАН за отчетный период» // Материалы общего собрания членов Российской академии наук 23 июня 2020 года. – С. 26. – URL: <https://www.ras.ru/publishingactivity/issues/collections.aspx> (дата обращения: 19.06.2023).

Всё это сочетается с нижайшим и имеющим тенденцию к сокращению уровнем финансирования научной сферы. Из материалов Счетной палаты РФ по состоянию на февраль 2020 года (Изотова, 2020) следует:

Россия на порядок отстает от стран-лидеров по количеству патентов: от США – почти в 16 раз, от Китая – в 38 раз.

Россия по финансированию науки (1,1 % ВВП) существенно отстает от ведущих стран мира и находится на 34-м месте. Даже в условиях целевых параметров нацпроекта «Наука» эти расходы увеличатся к 2024 году до 1,2 % ВВП. При том, что крупнейшие научно-технические страны тратят на эти цели больше 3 % ВВП.

По индикатору внутренних затрат на исследования и разработки в расчете на одного исследователя – Россия занимает 47-е место в мире.

Сектор российской науки малопривлекателен для ученых, в том числе из-за недостаточного развития соответствующей инфраструктуры и низкого уровня оплаты труда.

Финансовые потери от «утечки мозгов» и высококлассных специалистов (это, прежде всего, IT-специалисты) из России за период 1992–2016 годов, по оценкам экспертов, достигают 2,5 трлн долларов. Это вполне сопоставимо с потерями от прямого «бегства капиталов» и неравноправного (колониального) торгового обмена.

Непрерывно возрастающий отток специалистов-исследователей из России происходит преимущественно из естественнонаучных, технических и так называемых точных наук, то есть из тех отраслей, на основе которых только и может быть реализован необходимый для страны инновационный прорыв. Таким образом, перспективы указанного «прорыва» весьма туманны, а научно-техническое отставание России от развитых стран вполне реально и продолжает усугубляться. Российские представители социально-гуманитарных наук не пользуются большим спросом за границей, и они по большей части остаются в стране. Однако это обстоятельство практически никак не отражается на общем процессе «развития» российской науки.

Это – с одной стороны.

С другой стороны, стремительно снижается численность желающих попасть в сферу науки и заниматься научно-исследовательской деятельностью. Таблица 1 достаточно отчетливо иллюстрирует этот процесс.

Таблица 1

Выпуск аспирантуры в отчетном году

Год	Всего (человек)	В том числе с защитой диссертации	
		Всего	%
2010	33 763	9611	28,5
2015	25 826	4651	18,0
2020	13 957	1245	8,7

Источник: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

Как видно, ускоренными темпами сокращается выпуск аспирантов, а число тех, кто завершает учебу в аспирантуре защитой диссертации, сокращается еще быстрее.

Российские чиновники поначалу объясняли эту тенденцию тем, что, якобы, возросли требования и, соответственно, качество защищаемых диссертаций, «ушла пена» и т. п.¹ Однако довольно быстро даже они сообразили, что этот процесс больше напоминает предсмертные судороги отечественной науки. Реакция на осознание этого факта была, как это и принято в «правовом» государстве, юридическая: были внесены поправки в федеральный закон «Об образовании в РФ» (от 30 декабря 2020 года N 517-ФЗ). Их смысл сводился к тому, что были утверждены федеральные государственные требования к структуре программ подготовки аспирантов. Однако было полностью проигнорировано предложение РАН изменить статус аспирантуры: трансформировать ее из чисто образовательной структуры (высшей формы образования) в институт целевой подготовки научных кадров высшей квалификации для научно-образовательного комплекса (Пипия, Чистякова, 2020. С. 24). В соответствии с этим предложением аспирант должен заниматься исследовательской работой, а образовательная составляющая программы обучения должна формироваться в соответствии с содержанием исследовательской работы, важнейшим результатом которой должна стать защита диссертации. То есть главный недостаток нынешней формы аспирантуры был бережно сохранен. Вместо этого в качестве механизма стимулирования притока желающих попасть в аспирантуру было заметно увеличено число бюджетных мест: на 2022/2023 учебный год, в частности, их запланировано 17 500. Это означает, что аспирантура практически полностью становится бесплатной. Однако надеяться, в связи с этим, на какие-либо позитивные перемены в сфере пополнения науки исследовательскими кадрами нет никаких оснований. И вот почему.

Плодотворно, результативно наукой можно заниматься лишь тогда, когда она превращается в главную внутреннюю потребность человека, когда проведение научных исследований становится важнейшим содержанием и даже смыслом всей его жизни. Только определенный аскетизм, самоотдача, своеобразный героизм необходимы ученому для того, чтобы достичь какого-либо значимого результата в науке как особой сфере творчества.

Если вспомнить опыт Советского Союза, когда профессия ученого входила в число самых уважаемых и престижных, то можно утверждать, что эта привычка формируется с самого раннего детства в процессе социализации человека. Вся повседневная жизнь людей того времени была пронизана достижениями науки: грандиозные успехи в освоении космоса, ядерная энер-

¹ См. об этом рассуждения председателя ВАК бывшего министра образования В. Филиппова. – URL: <https://news.rambler.ru/other/38867065-za-poslednie-pyat-let-v-rossii-stalizaschischat-pochti-vdvoe-menshe-dissertatsiy> (дата обращения: 19.06.2023).

гетика, вычислительная техника (в конце 60-х годов в СССР были созданы самые мощные и совершенные ЭВМ в мире) и т. д. Вся школьная программа обучения была построена по университетскому принципу, в соответствии с которым каждая дисциплина раскрывалась как научное направление, как система логически и иерархически выстроенных понятий. Во дворцах пионеров было множество кружков и секций научного профиля (астрономов, радиотехников, юннатов и т. п.). Существовало множество форм популяризации науки с помощью СМИ: на телевидении и радио транслировались интереснейшие передачи с участием выдающихся ученых, огромными тиражами издавалось множество научно-популярных журналов («Наука и жизнь», «Знание – сила», «Техника молодежи» и мн. др.). Ученые того времени по праву составляли элиту общества. Профессия ученого была окутана романтикой, она была перспективной и очень хорошо оплачивалась. Всё это привлекало молодежь. Поэтому поступление в аспирантуру было трудным, но престижным, а доля выпускников, защитивших диссертацию, была близка к 100 %.

Однако с наступлением «демократии» всё, что способствовало формированию у молодежи интереса к научной деятельности, сразу же было прочно и поразительно эффективно закатано под асфальт «рыночных реформ». Сознание молодежи было радикально переформатировано. В результате в современной России выросло и сформировалось уже два поколения, для которых наука как понятие и как род профессиональной деятельности вообще отсутствует в раскладе их жизненных интересов (Горшков, 2020; Гончарова, Кожуховская, 2016; Никулина, 2020). В числе приоритетов у современной российской молодежи косметологи, дизайнеры, маркетологи т. п. «творческие» профессии. Юристы, экономисты, менеджеры, еще недавно бывшие в приоритете, хотя и сошли с пьедестала ее жизненных планов, всё еще рассматриваются значительной частью молодежи как перспективные. Профессии «ученый», «исследователь», «инженер» фактически находятся за пределами профессиональных ориентиров российских старшеклассников. Все жизненные цели и смыслы, мотивы интересов и действий современной российской молодежи выстроены вокруг всеобщего эквивалента – «деньги». Подавляющее ее большинство свято верят в идею обогащения любой ценой. Через оптику этой «рыночной» модели жизни человек, тратящий колоссальные интеллектуальные усилия на обретение ученой степени, чтобы потом жить на нищенскую зарплату, воспринимается не иначе как сумасшедший (есть еще и более адаптивные термины: «лох», «лузер», «аутсайдер» и т. п.).

Нельзя сказать, что катастрофичность данной ситуации не осознается. Под эгидой РАН создана сеть опорных школ, в которых проводится работа по ранней профессиональной ориентации школьников, имеющих склонность к научной деятельности (Пипия, Чистякова, 2020. С. 32). Однако если учесть, что на начало 2021/2022 учебного года в РФ было около 40 тысяч школ, а в

названную сеть входит только 108 (то есть 0,27 %), то вопрос об эффективности этой работы даже не возникает.

Достаточно очевидно, что в условиях, когда вся система социализации, обучения и воспитания заточена на формирование у молодежи названной жизненной модели, никакими законами и указами, государственными требованиями и т. п. юридическими «примочками», никакими плетками, пряниками и изошренными технологиями так называемого «управления персоналом» нельзя приучить людей заниматься научной деятельностью, привить молодежи в нормативном порядке интерес к науке. Нельзя одновременно перекроить мировоззренческую «рыночную» матрицу, сформированную за долгие десятилетия «демократии», в противоположную сторону. Тем более в условиях, когда она продолжает интенсивно внедряться в общественное сознание и воспроизводиться в полном объеме и содержании всем жизненным устройством современной России. Да и вообще довольно бестактно ожидать от выпускника колонизированного российского университета (институтов сейчас практически не осталось – одни «университеты»), который честно приобрел в этом образовательном супермаркете некий набор образовательных услуг («компетенций»), неведомого для него служения науке!

Итак, совершенно ясно, что рассчитывать на расширение научно-исследовательского корпуса в обозримое время не приходится, и необходимо исходить из того немногого, что еще удалось сохранить. В настоящее время доля имеющих ученую степень в общей численности исследователей – 28,7 %. Но даже для этой небольшой группы энтузиастов органы власти не могут обеспечить условия для полноценной исследовательской деятельности.

Можно привести еще множество убедительных фактов, каждый из которых в отдельности и все в совокупности свидетельствуют о системном и целенаправленном разрушении сферы науки в годы «демократии». В результате такого «прорывного» «развития» наука России относительно мирового уровня достигла состояния, в котором она пребывала еще в начале XIX века.

На фоне этого малоутешительного состояния науки в целом некоторым диссонансом выглядит ситуация с общественными и гуманитарными науками. О нем дают представление данные, приведенные в таблице 2.

Таблица 2

Численность исследователей, имеющих ученую степень

Годы	Всего:	В том числе:			
		Общественные науки		Гуманитарные науки	
		абс.	%	абс.	%
2010	105 114	7918	7,5	7335	7,0
2015	111 533	13 308	11,9	8028	7,2
2019	99 912	12 380	12,4	7747	7,8
2021	97 536	12 526	12,8	8572	8,7

Источник: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

Легко видеть, что число исследователей, имеющих ученую степень, в целом сокращается. Однако число представителей указанных отраслей науки имеет тенденцию к росту как в абсолютном, так и (в особенности) относительном выражении. В результате если в 2010 году их доля в общей численности защитившихся не превышала 15 %, то в 2021 году она увеличилась до 21,5 %. Не правда ли, загадочный феномен благополучия на фоне руин умирающей науки?

К достаточно очевидным факторам, обуславливающим данную ситуацию, можно отнести следующие.

Критерием успешности исследований, проводимых в области естественных, технических, медицинских и т. п. наук, является приобретение нового знания, нового конкретного результата или новых инструментально-методических или технических средств, полученных на основе доказательных и (что чрезвычайно важно) воспроизводимых (по К. Попперу – фальсифицируемых) эмпирических данных. Для этого требуются соответствующее оборудование, расходные материалы, квалифицированный вспомогательный персонал и многое другое. В условиях систематического критически существенного недофинансирования науки обеспечивать и развивать необходимую исследовательскую инфраструктуру становится проблематичным: старое, доставшееся еще от СССР оборудование уже морально устарело, разворовано, пришло в негодность или просто-напросто продано «эффективными менеджерами», а приобретение нового наталкивается на практически непреодолимые препятствия. Именно отсутствие возможности реализовывать свой потенциал в области несоциальных наук вынуждает ученых соответствующих отраслей науки покидать родину, что и приводит, в частности, к сокращению их численности.

В социально-гуманитарных науках (СГН) вся наука, в том числе и ее результаты сводится к текстам. Проведение исследований в рамках СГН в подавляющем большинстве не предполагает использования сложного оборудования, специализированных технических средств, каких-либо особых материалов, подготовленного технического персонала и т. п. Представителям СГН неведомы изнурительная экспериментальная работа, мучительные раздумья над причинами многочисленных неудач, горькое осознание необходимости пересмотра исходных концепций и т. д. За исключением социологии, в которой опора на эмпирию возведена в ранг непреложного императива, для доказательства достоверности какого-либо утверждения в этих науках используются, как правило, такие «аргументы»: «на наш взгляд», «думается», «очевидно» и т. п. Самым «сильным» доводом считается ссылка на мнение какого-либо «общепризнанного» в данном направлении науки авторитета, прежде всего западного, которое исключает какие-либо сомнения.

Следует заметить, что такого рода доказательный аппарат в социально-гуманитарных науках вполне традиционен: такова их специфика. И он вполне приемлем, если получаемые с его помощью результаты сопрягаются и удовлетворяют общим (каноническим) требованиям науки: новизна, достоверность, логическая непротиворечивость, возможность проверки и т. д. То есть если в исследованиях соблюдается соответствие смыслов теоретических конструкций и социальных практик, эмпирическое подтверждение выдвигаемых гипотез, проверка их критерием практики. Но этот баланс был нарушен с приходом «демократии» и конституционным запретом на единую государственную идеологию. Это привело к разброду и шатаниям в общественном сознании, в том числе и в среде ученых, в особенности среди представителей социально-гуманитарных направлений науки. Мировоззренческий вакуум создал благоприятную почву для стремительного проникновения в науку анархистских, противоречивых и бессодержательных концепций постмодернизма, отрицающих существование объективной истины и объявляющих результаты науки продуктом сговора ученых. Под лозунгами «свободы творчества», «свободы мысли» в науку устремились люди, не имеющие к ней ни малейшего отношения. На наступивший в результате бурный расцвет мракобесия и шарлатанства в российской науке как следствия вакуума общественного сознания сразу же обратили внимание многие отечественные ученые (Кругляков, 2004; Панарин, 2006; Александров и др., 2006; Капица, 2008). Однако предостережения ученых не были услышаны. Напротив, были созданы все условия для дальнейшего бурного расцвета лженаучных доктрин и верований, источником и «высшим критерием» которых были концепции западных ученых, слабо представлявших себе особенности развития российского общества. По понятным причинам в наибольшей степени эти процессы характерны для социально-гуманитарных наук. В результате сформировался значительный пласт «ученых новой формации», которые в данной ситуации чувствуют себя как рыба в воде. Они, в частности, утверждают, что «официальная научная парадигма» уже отжила свой век, стала анахронизмом, что настала эра нового, «эзотерического» знания, в которой «догматической науке» не должно быть места. Как же конкретно проявляются эти установки в текстах представителей СГН?

Если рассматривать всю сформировавшуюся к настоящему времени социально-гуманитарную часть науки в целом, то легко убедиться, что подавляющее число публикаций здесь по форме выглядит вполне наукообразно: обозначается проблема, отмечаются трудности и рассматриваются различные концепции и подходы по ее устранению, и, наконец, сообщаются (иногда с аргументацией) наиболее правильные, по мнению автора, способы и технологии ее разрешения. Никого не смущает, что трактовка смысла этой же проблемы в интерпретации другого автора выглядит иначе (иногда существенно),

а методы ее преодоления, соответственно, совершенно другие. Такой «легкости мысли» способствует сам выбор проблем. Вместо того, чтобы изучать действительно актуальные реальные проблемы современного общества (например, влияние ЛГБТ-сообществ и других форм вторжения в человеческую природу, социальные последствия тотальной «цифровизации» и сетевизации, использование технологий ИИ для манипулятивного воздействия на массовое сознание и т. п.), проводятся насквозь лживые «гендерные» исследования, изучаются различные формы «инновационного» развития, совершенствования правовой культуры, «проблемы» обеспечения прав человека и т. д.

Еще одна широко распространенная отличительная черта псевдонаучных публикаций в сфере социально-гуманитарных наук – отсутствие или невнятность данных о происхождении того или иного знания. Бездоказательность содержания сочетается в этих текстах с бессистемностью и схоластическим способом изложения материала. Это, как правило, безошибочное свидетельство отсутствия какого-либо содержания вообще! В этом случае пустота содержания облекается в обильное словоизвержение, часто в труднодоступных для понимания наукообразных формах. При этом авторы пребывают в твердой уверенности в том, что в этом-то и заключается наука. В случае расхождения собственной точки зрения, с мнениями других из-за невозможности и неспособности доказательно возразить по существу, на оппонента просто навешивается какое-либо клеймо (жупел, ортодоксальный, догматичный, прокрустово ложе, и т. п.).

В целом в науке считается, что обильное цитирование – это верный признак пустоты содержания. Однако в сфере СГН придерживаются прямо противоположной позиции, поэтому текстов, пересыщенных авторитетными цитатами, здесь чрезвычайно много. К образцам этого жанра псевдонаучной литературы можно отнести многие тексты (Понкин, 2020а, б). Однако виртуозное владение техникой цитирования не может компенсировать отсутствие нового научного результата, нового знания о предмете, которое должно быть в любой публикации, претендующей на научный статус.

Лавинообразный рост объемов псевдонаучной продукции, исполненной в указанных жанрах, произошел за последние десять лет, когда науку после «оптимизации» РАН в директивном порядке, со школярским усердием копируя западную модель, начали перемещать в высшие учебные заведения. Преподавателям вменили в обязанность публиковать ежегодно определенное количество статей, желательно в западных журналах. Это, однако, не сопровождалось ни заказами на проведение исследований, ни их финансированием. Российский преподаватель, имея учебную нагрузку, примерно на порядок превышающую нагрузку его западных коллег, должен одновременно в определенном смысле «самовольно» на собственные средства «двигать науку». От того, как он будет ее «двигать», поставлены в прямую зависи-

мость рейтинг преподавателя и определенная часть его зарплаты. При этом эффективность его научной деятельности определяется не качеством научного результата (новым знанием), а пресловутым «индексом цитирования». Достаточно очевидно, что этот «индекс» будет тем выше, чем более эпатажно сконструирован текст. Отсюда и склонность к экзотическому цитированию и сумбурности изложения материала. В итоге – обвальное увеличение наукообразной макулатуры, которую никто не читает, но ее авторы имеют высокие значения «индекса Хирша» – главного инструмента оценки «успешности» научной работы преподавателя. Сформировалась (разумеется, на «рыночной» основе) целая индустрия «помощи» преподавателям для повышения значений этого индекса. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что такой оценочный аппарат переориентирует исследователя от смысла научной деятельности – поиска истины – на другое: производство спекулятивных, эффектных текстов, не содержащих, как правило, никакого научного результата.

Совершенно ясно, что процессы и явления социальной жизни, вопросы духовного развития многогранны, противоречивы, и их корректное научное исследование вызывает огромные трудности методологического, методического и инструментального характера. Их невозможно описать средствами однозначных концептуальных построений и, тем более, формальных логических конструкций. Однако так же ясно, что доказательная база рассмотрения предмета исследования и методов решения возникающих задач не должна исчерпываться мнениями и/или догадками автора. Она должна обязательно включать репрезентативную эмпирическую фактуру, опираться на непротиворечивую логику ее анализа, а выводы и конструктивные предложения должны строго соответствовать результатам этого анализа, а не возникать из ниоткуда.

При всей пагубности и деструктивности рассмотренных типов публикаций и, соответственно, организации социально-гуманитарных исследований существует еще более вредная их разновидность, которую для краткости можно определить как лженауку. Если рассмотренные выше лишь имитируют научную работу, не давая «на выходе» практически ничего, то лженаука, напротив, внедряя в массовое и специализированное сознание ложные идеи и стереотипы, блокирует у людей критическое мышление, заменяя его верой. Кроме того, лженаука интенсивно пополняет научное сообщество лжеучеными, формируя, таким образом, в структуре науки своеобразную «пятую колонну», призванную уничтожить ее изнутри. Именно в рамках этой части социально-гуманитарных исследований воцарившееся псевдонаучное шарлатанство превратилось в довольно мощное деструктивное явление, имеющее системный характер. Поэтому проведем анализ этого феномена несколько более подробно.

В качестве примера можно рассмотреть публикацию двух авторов, особо преуспевающих в данном «научном» направлении (Резаев, Трегубова, 2022).

В статье рассматриваются «возможности воспроизведения у агентов ИИ человеческих эмоций и социальности» с целью «обозначить и обосновать пределы развития технологий ИИ в данном направлении». При этом под агентами ИИ авторы подразумевают «устройство, деятельность которого опосредует и фиксирует проявления искусственного интеллекта». Нетрудно заметить, что и в определении объекта рассмотрения, и в поставленной цели, и в довольно мутном определении «агентов ИИ» они по умолчанию исходят из неявного допущения о существовании некоего искусственного *интеллекта*. То есть авторы в самом начале текста (как заправские фокусники!) исполняют незаметный трюк: главную посылку статьи даже не обсуждают, а просто по умолчанию предлагают читателю принять ее на веру. Эта предпосылка состоит в том, что якобы реально имеется техническое (компьютерное, кибернетическое и т. п.) устройство (воспользуемся их термином), обладающее познавательной способностью, то есть оно способно воспринимать, понимать, объяснять и прогнозировать важные для его жизнедеятельности процессы и события окружающего мира и на этом основании принимать (если необходимо) решения, направленные на обеспечение собственного устойчивого положения в этом мире, ставить задачи и определять стратегические, тактические и оперативные цели своей деятельности, а также разрабатывать критерии оценки эффективности самих решений и качества их реализации. Эта способность предполагает наличие у данного устройства умения запоминать и анализировать свой опыт, делать полезные для себя выводы (то есть мыслить и обучаться), понимать имеющиеся и генерировать собственные абстрактные концепции происходящего и многое другое. Это те основные (по минимуму) свойства, которыми должен обладать интеллект. Но устройства, в котором было бы реализована хотя бы небольшая часть или что-то одно из перечисленного, не существует!

Те американские ученые (своеобразные «отцы-основатели»), которые предложили в 1956 году этот метафорический термин, прекрасно понимали, что никакого интеллекта в создаваемых ими системах и конструкциях нет и не может быть в принципе. Однако широкая публика, обыватели и в особенности представители так называемых творческих профессий восприняли этот термин буквально, и уже с конца 1950-х годов с подачи не очень грамотных в этом предмете фантазеров и фантастов разгорелись нешуточные страсти и фобии по поводу замены и вытеснения роботами людей, выхода роботов из-под контроля, роботов-убийц и т. п. С тех пор вышло немало специальной и популярной литературы, в которой разъяснялась нелепость этих фантазмагорических сценариев, принципиальная невозможность создания искусственного интеллекта (Дрейфус, 1978; Вейценбаум, 1982; Хазен, 1988; Петрунин и др., 2010; Шнуренко, 2022). Из нее со всей очевидностью следовало, что ИИ – это химера, что никакие, даже мельчайшие элементы естественного ин-

теллекта смоделировать или воспроизвести с помощью компьютерных технологий и устройств принципиально невозможно, что правильнее было бы дешифровать аббревиатуру ИИ как «имитация интеллекта», как и понимали его основоположники этого направления. Не удивительно, что за семьдесят лет колоссального напряжения, имеющего целью воспроизвести этот самый интеллект, ничего, достойного упоминания, не создано.

Однако мистификации вокруг ИИ оказались очень живучими, и спекуляции на эту тему не исчезали никогда. Буйный расцвет шарлатанства в современной России, в особенности в сфере СГН, создал благоприятную почву и определенным образом стимулировал очередную волну невообразимой псевдонаучной галиматии на эту тему. В немалой степени этому способствует и непомерная пропаганда, так называемой «цифровизации», подлинный смысл которой скрыт за семью печатями.

Итак, базовая посылка, которую фокусники-авторы не захотели раскрывать, но на которой выстроена вся публикация, оказалась ложной. Таким образом, весь ее текст (довольно объемный), щедро оснащенный цитатами западных «гуру» (куда же без них!) и себя любимых, теряет какой-либо содержательный смысл и превращается в бесполезное и даже вредное словоблудие. Становится ясно, что вся затея авторов с публикацией этого текста состоит в том, чтобы в этом мутном потоке в очередной раз проташить и внедрить в науку свою давнюю псевдонаучную фантазию об «искусственной социальности». Подробный анализ содержания этого фантома дан в (Тавокин, 2019).

Для полноты картины следует упомянуть о том, что авторам неведомо такое фундаментальное для исследователей и, в первую очередь, для социологов, к каковым они себя причисляют, понятие как «репрезентативность» (подробнее об этом в (Тавокин, 2019)). Из текста данной публикации видно, что и об измерительных шкалах у них довольно смутные представления. В частности, классическую порядковую шкалу они путают с несуществующей количественной. От людей, не владеющих базовым исследовательским инструментом, ожидать каких-либо научных достижений не приходится.

В рамках данной части социально-гуманитарных исследований существует еще более «крутое» направление лженауки – создание «новых наук». К числу наиболее одиозных из них можно отнести так называемую социальную информатиологию (Попов, 2004), предмет и методы которой не может внятно объяснить и сам автор. Нельзя не упомянуть в данном контексте и «коммуникологию», более «успешную» в части масштабов своего распространения и потому более вредоносную (Шарков, 2020). Подробное рассмотрение этих «новых наук» – занятие неконструктивное, так как практически все они представляют собой графоманские рассуждения вокруг проблем оптовой стоимостью в одно выеденное яйцо. Можно лишь заметить, что, став системным явлением, по большей части организованным, имеющим свои

фирмы, центры и даже «академии», современное околонучное шарлатанство оказывается не только и не просто прибежищем для безобидных маргиналов от науки, но превращается в реальную опасность для науки, образования и тем самым – для общества в целом.

Таким образом, обнаруженный выше парадокс расцвета социально-гуманитарных наук на фоне упадка науки в целом оказался мнимым. Никакого «расцвета» нет. Напротив, регресс науки в этой области при отсутствии сдерживающих механизмов имеет массовый характер и по широте охвата напоминает пандемию. Дело в том, что в естественных, технических науках любой научный результат допускает возможность опровержения (той самой «фальсификации», о которой говорил К. Поппер), что является почти непреодолимым препятствием для различного рода шарлатанов. Результаты лженаук в социально-гуманитарной сфере, как правило, непроверяемы. Именно непререкаемые истины, а также небрежность и/или невнятность происхождения эмпирии, обусловившей получение результата, – характерный признак лженаучной продукции в этой области.

Убедительным проявлением нынешней эпохи мракобесия является признание в 2021 г. рафинированного, беспримесно чистого бреда (Иванова и др., 2020) «лучшей теоретической работой» Ежегодной социологической книжной премии им. Б. А. Грушина, организованной ВЦИОМ.

Есть, конечно, и другие типы публикаций, в которых на вполне научной основе выявляются и исследуются действительно актуальные социальные проблемы. Но этих публикаций исчезающе мало (в пределах 5–7 %), они тонут в океане наукообразной словесной макулатуры.

В целом же нынешнему криминально-коррупционному российскому государству подлинная наука не нужна. Поэтому она, как и в других важнейших сферах (культура, образование, социальная защита и т. п.), заменена на ее имитацию, на псевдонауку. Вместо подлинной исследовательской работы, имеющей в качестве предмета актуальные социальные проблемы, основной формой организации науки стала система грантов. Главный недостаток этой формы состоит в том, что задачи и проблемное пространство науки определяет не государство, а так называемые спонсоры. Соответственно, и финансирование научных исследований осуществляется не из государственного бюджета, а от щедрот этих самых «спонсоров». Подавляющее большинство грантов ориентированы на получение определенного результата и имеют чрезвычайно короткие сроки исполнения (1–2 года). Кроме того, исследования децентрализованы, разрознены, несогласованны, носят случайный характер. Это означает, во-первых, смертный приговор фундаментальной науке, перевод ее на прикладной уровень и, во-вторых, вынуждает исследователей подгонять результаты работы под требования заказчика (то есть исказить), так как в противном случае они могут лишиться финансирования. В результате наука

из потенциально мощного ресурса развития стала убыточной: ее рентабельность составляет –3,1 %. К настоящему времени эта стратегия себя исчерпала и влечет угрозу окончательной потери субъектности страны.

Огромный исторический и практический опыт убеждают, что плодотворное развитие и функционирование науки возможно лишь тогда, когда у нее имеется надежный внешний заказчик, заинтересованный в реальных результатах проводимых исследований и готовый их финансировать необходимое время и в необходимом объеме. Таким заказчиком для науки и ее развития всегда было государство. Снятие государством с себя этой функции – главный фактор деградации современной российской науки. Вывод очевиден: необходимо восстановить классическую схему ее организации и функционирования.

Необходимо также превратить выпускника российских вузов из пассивного обывателя, «квалифицированного потребителя», в человека ищущего, одухотворенного поиском истины, девиз жизни которого: «знание – сила».

Задачи вполне решаемые: нужна лишь политическая воля.

Будет ли она проявлена?

Список источников

Александров, Е. Неужели Россия не может без распутищины? / Е. Александров, Ю. Ефремов, Э. Кружляков // Здравый смысл. – 2006. – № 41. – С. 13–14.

Вейценбаум, Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум: От суждений к вычислениям / Дж. Вейценбаум; Пер. с англ. И. Б. Гуревича. – Москва: Радио и связь, 1982. – 368 с.

Гончарова, С. В. Профессиональные ориентации студенческой молодежи в современном обществе / С. В. Гончарова, А. А. Кожуховская // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 10. – С. 20–22. – EDN WVKIVF.

Горшков, М. К. Российское общество в социологическом измерении / М. К. Горшков // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 3. – С. 232–242. – DOI 10.31857/S0869587320030068. – EDN JFCAXN.

Дрейфус, Х. Что не могут вычислительные машины: Критика искусств. разума / Пер. с англ. Н. Родман; Общ. ред., послесл., [с. 298–332] и примеч. Б. В. Бирюкова. – Москва: Прогресс, 1978. – 334 с.

References

Alexandrov E., Efremov Yu., Kruglyakov E. Can't Russia be without Rasputinism? *Zdravyy smysl = Common sense*. 2006; 41:13-14. (In Russ.).

Vejcenbaum J. The possibilities of computing machines and the human mind: From judgments to calculations; Translated from the English by I. B. Gurevich. *Moskva: Radio i svyaz' = Moscow: Radio and Communications*; 1982. 368 p. (In Russ.).

Goncharova S. V., Kozhukhovskaya A. A. Professional orientations of student youth in modern society. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2016; 10: 20-22. (In Russ.).

Gorshkov M. K. Russian society in a sociological dimension. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2020; 90 (3): 232-242. – DOI 10.31857/S0869587320030068. (In Russ.).

Dreyfus H. What Computers can't do: Criticism of the Arts. Reason. Translated from English by N. Rodman; General ed., afterword,

Изотова, Г. С. Уровень финансирования российской науки недостаточен для обеспечения технологического прорыва / Г. С. Изотова – URL: <https://ach.gov.ru/checks/9658>. (дата обращения: 13.04.2023).

Капица, С. П. Жизнь науки / С. П. Капица. – Москва: Тончу, 2008 – 592 с. – ISBN 978-5-91215-035-7.

Кругляков, Э. П. Чем угрожает обществу лженаука? / Э. П. Кругляков // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74, № 1. – С. 8. – EDN OPRXVJ.

Никулина, Ю. Н. Профессиональная ориентация молодежи в системе кадрового обеспечения экономики региона / Ю. Н. Никулина // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 1263–1280. – DOI 10.18334/epp.10.4.100895. – EDN BUMQDM.

От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / А. В. Резаев, А. А. Иванова, В. С. Стариков [и др.]. – Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2020. – 256 с. – ISBN 978-5-906345-28-8. – EDN HNACBR.

Панарин, А. С. Народ без элиты / А. С. Панарин – Москва: Алгоритм, 2006. – (Философский бестселлер). – ISBN 5-699-15010-2. – EDN QOFBDZ.

Петрунин, Ю. Ю. Философия искусственного интеллекта в концепциях нейронаук / Ю. Ю. Петрунин, М. А. Рязанов, А. В. Савельев; Ю. Ю. Петрунин, М. А. Рязанов, А. В. Савельев. – Москва: МАКС Пресс, 2010. – 77 с. – ISBN 978-5-317-03251-7. – EDN QWYANZ.

Пипия, Л. К. Проблема «утечки умов» на фоне миграционных процессов в России / Л. К. Пипия, В. Е. Чистякова // Инновации. – 2020. – № 8(262). – С. 17–30. – DOI 10.26310/2071-3010.2020.262.8.003. – EDN MNXUER.

Понкин, И. В. К вопросу о понятии «глубинный народ» / И. В. Понкин // Вопросы культурологии. – 2020а. – № 5. – С. 50–

[pp. 298-332] and note by B. V. Biryukov. Moscow: Progress; 1978. 334 p. (In Russ.).

Izotova G. S. The level of funding of Russian science is insufficient to ensure a technological breakthrough. URL: <https://ach.gov.ru/checks/9658>. (date of application: 13.04.2023) (In Russ.).

Kapica S. P. Life of Science. Moscow: Tonchu; 2008. 592 p. ISBN 978-5-91215-035-7. (In Russ.).

Kruglyakov E. P. What threatens the society of pseudoscience? *Vestnik Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2004; 74 (1): 8. (In Russ.).

Nikulina Yu.N. Professional orientation of youth in the system of personnel support of the economy of the region. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo = Economics, entrepreneurship and law*. 2020; 10 (4): 1263-1280. DOI 10.18334/epp.10.4.100895. (In Russ.).

Rezaev A. V., Ivanova A. A., Starikov V. S. [et al.]. From Artificial intelligence to artificial sociality: New research problems of modern social Analytics. Moscow: *Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya = Moscow: All-Russian Center for the Study of Public Opinion*; 2020. 256 p. ISBN 978-5-906345-28-8. (In Russ.).

Panarin A. S. The people without the elite. Moscow: *Algorithm*, 2006. (Philosophical bestseller). ISBN 5-699-15010-2. (In Russ.).

Petrinin Yu. Yu., Ryzanov M. A., Savel'ev A. V. The philosophy of artificial intelligence in the concepts of neuroscience. Moscow: *MAKS Press*; 2010. 77 p. ISBN 978-5-317-03251-7. (In Russ.).

Pipia L.K., Chistyakova V. E. The problem of “brain drain” against the background of migration processes in Russia. *Innovacii = Innovations*. 2020; 8(262):17-30. DOI 10.26310/2071-3010.2020.262.8.003. (In Russ.).

Ponkin I. V. On the question of the concept of “deep people”. *Voprosy kul'turologii = Questions of cultural studies*. 2020; 5: 50-56. DOI 10.33920/nik-01-2005-08. (In Russ.).

56. – DOI 10.33920/nik-01-2005-08. – EDN LJCHZK.

Понкин, И. В. Параметр эlegantности научного или прикладного аналитического текста, в том числе юридического / И. В. Понкин // Современное общество и право. – 2020б. – № 5(48). – С. 3–13. – EDN ZSIUFS.

Попов, В. Д. Судьба социальной информатиологии / В. Д. Попов // Социология власти. – 2004. – № 4. – С. 17–36. – EDN HUAАОН.

Резаев, А. В. «Эмоциональный утилитаризм» и пределы развития искусственного интеллекта / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2(168). – С. 4–23. – DOI 10.14515/monitoring.2022.2.2127. – EDN WPZQFZ.

Тавокин, Е. П. Искусственность «искусственной социальности» / Е. П. Тавокин // Социологические исследования. – 2019. – № 6. – С. 115–122. – DOI 10.31857/S013216250005487-8. – EDN ZSVOKD.

Хазен А. М. О возможном и невозможном в науке, или Где границы моделирования интеллекта / А. М. Хазен. – Москва: Наука, 1988. – 381 с. – ISBN 5-02-013902-5.

Шарков, Ф. И. Коммуникология: основы теории коммуникации : Учебник для бакалавров / Ф. И. Шарков. – 5-е издание, стереотипное. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2020. – 488 с. – (Учебные издания для бакалавров). – ISBN 978-5-394-03544-9. – EDN IZMUWC.

Шнуренко И. Основы системного мышления. В эпоху большой отмены / И. Шнуренко. – Москва: Наше Завтра, 2022 – 304 с.

Шефель С. В. Сотворение человека будущего: экософские основания / С. В. Шефель, К. И. Шилин. – Москва: ГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2003. – 328 с.

Ponkin I. V. The parameter of elegance of a scientific or applied analytical text, including a legal one *Sovremennoe obshchestvo i parvo = Modern society and law*. 2020; 5(48) : 3-13. (In Russ.).

Popov V. D. The fate of social informationology *Sociologiya vlasti = Sociology of Power*. 2004; 4: 17-36. (In Russ.).

Rezaev A. V., Tregubova N. D. “Emotional utilitarianism” and the limits of artificial intelligence development. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2022; 2(168): 4-23. DOI 10.14515/monitoring.2022.2.2127. (In Russ.).

Tavokin E. P. Artificiality of “artificial sociality”. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2019; 6: 115-122. DOI 10.31857/S013216250005487-8. (In Russ.).

Hazen A. M. About the possible and the impossible in science, or Where the boundaries of modeling intelligence. *Moscow: Nauka*; 1988. 381 p. ISBN 5-02-013902-5. (In Russ.).

Sharkov F.I. Communicology: fundamentals of the theory of communication: A textbook for bachelors. – 5th edition, stereotypical. – *Moscow: Publishing and Trading Corporation “Dashkov and K”*; 2020. 488 p. (Educational publications for bachelors). ISBN 978-5-394-03544-9. (In Russ.).

Shnurenko I. Fundamentals of systems thinking. In the era of the big cancellation. *Moscow: Nashe Zavtra = Moscow: Our Tomorrow*; 2022. 304 p. (In Russ.).

Для цитирования: Тавокин Е. П. О некоторых особенностях состояния науки в России // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 4 (62). – С. 64–81.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.4.3
EDN НМСЈQО

Сведения об авторе

Тавокин Евгений Петрович
доктор социологических наук, профессор
Российского технологического университета
(МИРЭА)
tavokin@mail.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 21.06.2023
Одобрена после рецензирования –
01.08.2023
Принята к публикации – 11.08.2023

Information about author

Evgeny P. Tavokin
Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Russian Technological University
(MIREA)
tavokin@mail.ru